

БИТВА ПРИ ВАТЕРЛОО В ДОНЕСЕНИИ ГЕРЦОГА ВЕЛЛИНГТОНА ГРАФУ БАТЕРСТУ: «ИСПОВЕДЬ» СЛУЧАЙНОГО ПОБЕДИТЕЛЯ

© 2023

Егоров А.А.

Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Аннотация. Статья посвящена анализу важного исторического документа – донесения герцога Веллингтона государственному секретарю по военным и колониальным делам Соединенного Королевства, графу Батерсту, от 19 июня 1815 года (в английской традиции оно обычно именуется как The Waterloo Dispatch). В нем Железный герцог представил свой отчет о битве при Ватерлоо (18 июня 1815 г.), завершившей длинную череду так называемых Революционных и Наполеоновских войн, продолжавшихся почти четверть века. Автор приводит мнения российских и зарубежных историков, которые в той или иной степени попытались дать оценку The Waterloo Dispatch, уделив особое внимание характеристике этого документа, данной современным британским исследователем Эндрю Робертсом в монографии «Наполеон и Веллингтон». Написавшая отдельную монографию о «Ста днях Наполеона» Эдит Саундерс безапелляционно охарактеризовала донесение Железного герцога, назвав его «радостным отчетом о сражении». Однако на основании вышеприведенных оценок и исходя из собственного анализа донесения 19 июня, автор статьи пришел к выводу о том, что донесение The Waterloo Dispatch явилось попыткой дать английскую интерпретацию событий знаменитой битвы, своеобразным «британским мифом» о Ватерлоо, и хронологически оно предшествовало «наполеоновскому мифу» об этом судьбоносном для Европы XIX в. сражении, созданному поверженным императором на о. Св. Елены.

Ключевые слова: война; коалиция; союзники; сражение; войска; армия; победа; поражение; миф; легенда; историки; исследователи; историческая память; мемуары; эпоха.

THE BATTLE OF WATERLOO IN THE DUKE OF WELLINGTON'S DISPATCH TO THE EARL OF BATHURST: «CONFESSION» OF AN ACCIDENTAL WINNER

© 2023

Egorov A.A.

Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Abstract. The article is devoted to the analysis of an important historical document – the Duke of Wellington's dispatch to the State Secretary for War and Colonies of the United Kingdom Earl of Bathurst, June 19, 1815 (in English tradition it is usually called The Waterloo Dispatch) in which the Iron Duke presented his account of the Battle of Waterloo (June 18, 1815) which ended the long series of so-called Revolutionary and Napoleonic wars, which lasted almost a quarter of a century. The author cites the opinions of Russian and foreign historians, who to one degree or another, tried to assess the Waterloo Dispatch, paying special attention to the characterization of this document by modern British researcher Andrew Roberts, given in his monograph «Napoleon and Wellington». Edith Saunders, who wrote a separate monograph on «Napoleon's Hundred Days», categorically characterized the dispatch of the Iron Duke calling it «a joyful account of the battle». However based on the above mentioned assessments and based on his own analysis of the dispatch of June 19, the author came to the conclusion that the Waterloo Dispatch was an attempt to give an English interpretation of the events of the famous battle – a kind of «British Myth» and chronologically was predecessor to the «Napoleonic Myth» created by the defeated Emperor on the Island St. Helena about the fateful 19th century for Europe, battle.

Keywords: war; coalition; allies; battle; troops; army; victory; defeat; myth; legend; historians; researchers; historical memory; memoirs; epoch.

Одиннадцать дней спустя после битвы 18 июня 1815 г. в газете «Таймс» была напечатана фраза, вряд ли тогда вызвавшая у кого-либо хоть малейшее возмущение: «Ничто в древней или современной истории, – гласила она, – не сравнится с последствиями победы при Ватерлоо» [1, с. 212]. Действительно, победа над Наполеоном подвела черту под чередой Революционных и Наполеоновских войн, длившихся почти четверть века, поставив финальную точку и в самой наполеоновской эпопее. «В последний раз Англия и Франция сразились за европейскую и мировую гегемонию, – пишет Аллан Форрест, – после чего в европейском балансе сил совершился решительный поворот: французским политическим притязаниям был положен конец, верх одержала Великобри-

тания» [1, с. 220]. Это очевидно. Однако и современники, и историки не могли избавиться от ощущения случайности этой победы для англичан и, напротив, от представления о Ватерлоо как о некоем «славном поражении», имея в виду восприятие битвы прежде всего французами. Думается, что во многом такое двойственное восприятие знаменитого сражения связано с тем, как оценивали битву 18 июня два командующих противоборствующими армиями: побежденный и победитель. Сравнивая две версии описания этой битвы, надо признать, что в этом «заочном», «чернильном» сражении победу одержал не действительный победитель – герцог Веллингтон, а побежденный – император французов. Наиболее развернуто наполеоновская версия битвы при Ватерлоо

была изложена в записи последнего секретаря императора, графа де Лас-Каза от 26 августа 1816 г. В «Мемориале Св. Елены» «замечательные страницы» (выражение Лас-Каза), описывающие предысторию Ватерлоо и само сражение 18 июня, примерно в три раза объемнее, чем написанный годом ранее Веллингтоном текст его «Отчета о битве при Ватерлоо» (в английском варианте этот «Отчет» именуется, правда, более кратко как «The Waterloo Dispatch»). Но, при всей громоздкости и кажущейся сумбурности наполеоновского рассказа о великой битве, в нем легко можно выделить как минимум три важные составляющие. Во-первых, это своеобразная апология стратегического замысла кампании 1815 года, разработанного французским императором (третье, частично пятое и частично шестое замечания); во-вторых, «выявление» причин неудачи кампании и конечного поражения в битве 18 июня (третье, четвертое и частично шестое замечания) и, наконец, в-третьих, критика действий прусского фельдмаршала Блюхера и самого Железного герцога за допущенные ошибки как при планировании всей кампании, так и в самом сражении при Ватерлоо (частично замечание шестое, а также замечания седьмое, восьмое и девятое). Замечательно то, насколько придирчиво и скрупулезно Наполеон разбирает и анализирует совершенные, как он считал, Веллингтоном просчеты. Это и «странное место для расквартирования своих войск», выбранное Веллингтоном, и разбросанность англо-голландских сил «в радиусе более двадцати лье», и то, что пехота, кавалерия и артиллерия противника находились «в отдаленных друг от друга лагерьях», исключавших их тесное взаимодействие, и то, что, подвергая себя риску «сомнительной битвы», Железный герцог вступал в противоречие «общей стратегии войны, принятой союзниками, и всем правилам войны», и т.д., и т.п. [2, с. 181–194]. Интересно и то, что, ведя речь о британском командующем (замечания седьмое, восьмое, девятое), Наполеон единственный раз, да и то только в самом начале, называет его герцогом Веллингтоном. Во всех прочих местах он упорно и ... безлично именуется просто «английским генералом», при том, что прусского военачальника не забывает называть «маршалом Блюхером». Вероятно, что тем самым император пытался низвести Веллингтона с пьедестала, на который его вознесла победа, одержанная им на поле Ватерлоо. Проигранная битва в конечном счете в интерпретации Наполеона превратилась из поражения его армии в «недовыигранное» им сражение. В этом сражении (в *битве при Ватерлоо*. – А.Е.), – заявил Наполеон, – 69 тыс. французов победили 120 тыс. солдат противника. Победа была отобрана у них между восемью и девятью часами вечера объединенными силами в составе 150 тыс. солдат) [2, с. 194].

Правомерен вопрос: насколько адекватно Лас-Каз воспроизвел наполеоновскую версию битвы при Ватерлоо в приведенной выше записи и, вообще, какова была его собственная роль в создании знаменитого «Мемориала Святой Елены»? Думается, что лучше всего на этот вопрос ответил хранитель Французских владений на о. Св. Елены Жильбер Мартино. По его словам, Лас-Каз составил «почти стенографические отчеты, которые профессор Дюнан назвал «шедеврами организованного энтузиазма» [3, с. 50].

Таким образом, описание битвы при Ватерлоо, представленное Лас-Казом, это – не что иное, как стенографическая запись слов самого императора, сделанная его личным секретарем. Что же касается оценки самого «Мемориала» как исторического источника, то здесь уместно привести высказывание современного английского историка Садхира Хазариесингха: «Мемориал Св. Елены, – отметил он, – был первой всеобъемлющей попыткой всестороннего представления имперской легенды и является, несомненно, самой значимой работой такого рода» [4, р. 164–165]. В «Разговорах Наполеона на Св. Елене», записанных генералом Г. Гурго, по поводу своего главного поражения император высказался следующим образом: «... мы должны были выиграть битву при Ватерлоо. Но именно Рок привел к тому, что я ее проиграл». «Император затем поведал мне, – продолжает Г. Гурго, – почему он до конца не в состоянии понять того, что случилось в этой битве». В примечании Г. Гурго далее значилось: «Император сказал, что не видел битву так хорошо, как ему хотелось бы. Он намеревался, как это было при Монмирайле (*сражении 1 февраля 1814 г., в котором Наполеон нанес поражение русским и прусским войскам под командованием генералов Остен-Сакена и Йорка*. – А.Е.), осуществить перпендикулярную атаку, лично ее возглавив, но прибытие (корпуса) Бюлова заставило его остаться на центральной позиции. Ней не смог понять его план атаки» [5, р. 187].

Таким образом, умолчав о собственных ошибках, всемерно выпятив ошибки, допущенные английским фельдмаршалом, объяснив причины «утраченной победы» просчетами своих подчиненных, дождливой погодой и, наконец, вмешательством Рока, Наполеон сумел, пусть и «на бумаге», одолеть Железного герцога в самой, наверное, знаменитой битве XIX столетия. Создав свою «легенду о Ватерлоо», Наполеон в глазах целых поколений, особенно ближайшего к нему поколения романтиков, превратился в безусловно легендарную, романтическую личность. «Хоть побежденный, но герой», согласно замечательно выразившему эти чувства Лермонтову. Разумеется, что наполеоновский «миф о Ватерлоо» является далеко не единственным для этого судьбоносного сражения. Другим, условно «альтернативным мифом» (хотя и созданным годом раньше Наполеоновского), несомненно, был «Отчет о битве при Ватерлоо, известный, как уже отмечалось ранее, как «The Waterloo Dispatch», представивший битву с точки зрения ее победителя, герцога Веллингтона. Написанная на следующий день после битвы 18 июня, так сказать, «в три захода» (Веллингтон начал писать ее в качестве отчета главе военного ведомства Великобритании, графу Батерсту, сначала в Ватерлоо, потом – в Брюсселе и в конце концов – опять в Ватерлоо) [6, с. 339], эта депеша Железного герцога, безусловно, привлекла внимание историков, хотя далеко не в равной степени. Так, отечественный историк и беллетрист М.М. Куриев, автор, пожалуй, единственной большой книги о Веллингтоне на русском языке, не вдаваясь в подробности, написал об этой депеше буквально следующее: «Есть ли в документе то, что, скажем так, вызывает некоторые сомнения? Безусловно. Но мы, – продолжает М.М. Куриев, – последуем совету Веллингтона и оставим все, как есть».

Больших прегрешений против истины там точно нет» [6, с. 339]. Однако уже на следующей странице, вопреки своему утверждению, он пишет, что «обвинения в том, что англичане подогнали историю под легенду, вполне справедливы» [6, с. 340].

В написанной тем же М.М. Куриевым отдельной книге о битве при Ватерлоо – «Ватерлоо. Битва ошибок», он почти так же лаконичен: «... Еще не рассвело, когда Веллингтон сел писать реляцию о победе... Сухо, сдержанно. Герцог воздаст должное мужеству своих солдат и офицеров, нигде не выпячивает себя. Позднее знаменитая The Waterloo Dispatch станет объектом пристального изучения. Кто-то обиделся на Веллингтона за то, что его не упомянули, и очень многие посчитают, что какая-то эта депеша уж совсем незмоциональная. Спустя годы саркастичный Веллингтон скажет: «Ну конечно, надо было добавить побольше пафоса». Как написал, так и написал. Все равно, депеша стала частью «легенды Ватерлоо». Главным образом – из-за названия» [7, с. 217].

Современный британский исследователь Бернард Корнуэлл – автор монографии «Ватерлоо. История битвы, определившей судьбу Европы» – и вовсе ограничился тем, рассуждая о знаменитом документе, что привел крошечный фрагмент депеши 19 июня, где, по его словам, Железный герцог «в изящных выражениях признал вклад прусской армии» в победу над Наполеоном [8, с. 335].

Английский военный историк Гордон Корриган, автор обстоятельной биографии Железного герцога «Веллингтон. Военная жизнь», практически проигнорировал The Waterloo Dispatch, заявив, что у Железного герцога «было все же крайне мало времени для самоанализа» [9, р. 339]. Тем самым историк как бы подчеркнул формальный характер депеши, фактически отказавшись как-либо ее комментировать.

Еще один английский биограф Веллингтона, Ричард Холмс, в своей книге «Веллингтон. Железный герцог» прямо называет донесение 19 июня «формальной депешей», отметив, что она «очень скоро вызвала критику, ибо была не столь щедра на похвалы, как многие на то рассчитывали. Однако она, – продолжает Холмс, – «приписывала успех этого трудного дня искренней и своевременной поддержке ... полученной от пруссаков, подтверждая, что их атака была «самой важной из всех». Когда впоследствии Веллингтона спросили, нет ли чего-либо, что он хотел бы изменить в лучшую сторону, он ответил: «Да, мне следовало бы не скупиться на похвалы». По мнению Холмса, для объективной оценки The Waterloo Dispatch надо иметь в виду то, что Веллингтон написал свой отчет о событиях 15–18 июня, опираясь исключительно на собственную память, после всего лишь нескольких часов непродолжительного сна, и это при том, что многие из его друзей были убиты или ранены. В любом случае, пишет английский историк, «это был поистине удивительный итог» [10, р. 251].

Известный мастер биографического жанра, англичанин Кристофер Хибберт в своей монографии о Веллингтоне также отметил поверхностный, формальный характер рапорта Железного герцога государственному секретарю по военным и колониальным делам, попутно процитировав слова сестры лорда Аксбриджа (одного из участников битвы при Ва-

терлоо), леди Каролины Кэпэл, назвавшей The Waterloo Dispatch «отвратительным» донесением, в котором «никому не воздали по справедливости». «Прочитав депешу 19-го июня, «американский посланник в Лондоне, пишет Хибберт, высказал предположение, что она могла бы сгодиться и в качестве извещения о разгроме» [11, р. 183].

Пытаясь разобраться в причинах удивившего американского дипломата далеко не бравурного тона The Waterloo Dispatch, Хибберт находит ответ на этот вопрос в самом характере Железного герцога: «... Веллингтон, для которого всякое преувеличение было отвратительно и который не был склонен кого-либо превозносить до небес, – замечает он, – не мог заставить себя написать (депешу) иным образом, чем тот, который был естественен для него» [11, р. 183].

В заключение, вернувшись к «традиционной» теме обиженных на Веллингтона соотечественников за то, что он не упомянул об их подвигах в тексте своего «Отчета о битве», Хибберт пишет: «Эти умолчания привели к широкому и беспрестанному негодованию, и казалось, что до конца своих дней герцог считал, что ему следовало бы быть щедрее в похвалах. Когда Джон Гурвуд, офицер тяжело раненный в сражении, спросил его относительно того, как повели себя различные полки в битве при Ватерлоо, он огрызнулся, заявив, что ничего не знал о них: «там славы хватило на всех», – подытожил Железный герцог [11, р. 184]. «Он придерживался, – пишет далее о Веллингтоне историк, – своего первоначального утверждения о том, что «не было ни одного офицера, ни одного рода войск (в его армии), которые не показали бы себя хорошо» в тот знаменательный июньский день [11, р. 184].

Любопытно, что в своей отдельной работе, посвященной непосредственно битве при Ватерлоо [12], Хибберт даже не упомянул о знаменитой The Waterloo Dispatch, хотя, возможно, причиной этого был формат книжной серии Wordsworth Military Library, каждая книжка которой, как правило, не превышает трехсот страниц.

На фоне всех приведенных выше оценок веллингтоновского «Отчета о битве при Ватерлоо» – подчас чересчур кратких, а иногда почти дословно повторяющих друг друга, интересной представляется попытка, предпринятая автором ряда биографических работ, современным английским историком Эндрю Робертсом, проанализировать текст депеши 19 июня на страницах книги «Наполеон и Веллингтон». Замечательно, что текстуальная характеристика Робертсом The Waterloo Dispatch практически по своему объему полностью совпадает с этим документом. «Возможно, несправедливо по отношению к Веллингтону рассматривать эту депешу под микроскопом или подвергать ее структуралистскому, текстуальному анализу, – пишет Робертс. – Мы не обладаем его заметками или же более ранними черновыми набросками, – конечно, если такие вообще существовали, – для того, чтобы позволить нам узнать, что происходило у него в голове, когда он писал ее. Да и нельзя ожидать, чтобы он мог быть вполне объективен в такой момент. Многие его близкие друзья умерли или же были при смерти, он был разбит физически ... провел предыдущую ночь на соломенной подстилке, так как его любимый адъютант ... сэр

Александр Гордон умирал на его постели, кампания для него все еще продолжалась и ... он должен был принимать в расчет важные политические соображения и соображения безопасности, решая вопрос о том, что докладывать. Невозможно было ожидать в таких обстоятельствах законченного, подробного, скрупулезного, тщательно выверенного отчета о бурных событиях предыдущих четырех дней от кого бы то ни было» [13, р. 218].

Вместе с тем, «выдав» такую своеобразную «индульгенцию» рапорту 19 июня и ее автору, Робертс, тем не менее, на предыдущих четырех страницах, если не под микроскопом, то все равно довольно детально анализирует этот исторический документ, «великую депешу Ватерлоо», по его собственным словам. По сути, в его анализе можно выделить ряд основных пунктов.

Во-первых, он указывает на то, что, упомянув о переходе французской армией реки Самбры 15 июня, о котором он узнал вечером того же дня, Веллингтон, по его словам, немедленно отдал своим войскам приказ приготовиться к маршу, наступая на левый фланг противника. На самом деле, пишет Робертс, Веллингтон узнал о случившемся в полдень и приказал своим войскам сосредотачиваться не на юго-востоке, как это было ранее согласовано с маршалом Блюхером, а на юго-западе.

Во-вторых, «в высшей степени комплиментарное» описание Веллингтоном битвы Наполеона с пруссаками при Линьи (16 июня) вновь оказалось далеким от истины. Железный герцог, в частности, писал о том, что прусская армия «удержала свою позицию, с присущей ей храбростью и упорством». Затем, по его словам, прусский командующий принял решение отступить, чтобы сосредоточить войска в районе Вавра.

В-третьих, заявление герцога о том, что «неприятель не предпринял никаких усилий для того, чтобы преследовать маршала Блюхера», разумеется, тоже не соответствовало истине. Зато это утверждение, по мнению Робертса, не могло не создать у читателей The Waterloo Dispatch ложного представления о том, что Наполеон позднее атаковал армию Железного герцога всеми своими силами.

В-четвертых, утверждение герцога о том, что Блюхер «обещал ... в случае, если мы будем атакованы ... поддержать его силами одного или нескольких корпусов, коль скоро это станет необходимо», в равной степени не было транспарентным ранее достигнутой договоренности между Блюхером и английским командующим.

В-пятых, согласно The Waterloo Dispatch битва 18 июня началась в 10 часов утра, тогда как на самом деле это произошло на полтора часа позже.

В-шестых, Веллингтон утверждал, что «марш корпуса генерала Бюлова через Фришермон на Плансенуа и Белль-Альянс «начал оказывать свое действие» «не раньше семи часов вечера». Это заявление Веллингтона вновь было ложным, – пишет Робертс, – так как пруссаки приняли активное участие в сражении уже в четыре часа дня, захватив Плансенуа.

В-седьмых, упомянув в заключительной части депеш маршала Блюхера и прусскую армию, Веллингтон заявил, что он «не был бы справедлив к собственным чувствам ... если бы не связал успешный

итог этого изнурительного дня с сердечной и своевременной помощью, которую от них получил. Действия генерала Бюлова на вражеском фланге стали решающими, и, если бы я сам не вел атаки, завершившейся известным результатом, они заставили бы врага отступить в случае его неудачной атаки и не дали бы ему преимущества, если бы его атака, к несчастью, оказалась успешной» [13, р. 397]. Приведя этот примечательный отрывок депеш, Робертс справедливо подчеркнул ключевое значение в нем фразы: «если бы я сам не вел атаки, завершившейся известным результатом». Веллингтон, замечает по этому поводу Робертс, ни в коем случае не хотел, чтобы у читателей его депеш сложилось впечатление, что он не смог бы выиграть битву при Ватерлоо без помощи пруссаков.

В целом, соглашаясь с анализом Робертса, хотелось бы высказать еще несколько замечаний. Прежде всего, относительно того на редкость скромного места, которое в The Waterloo Dispatch Железный герцог отвел своему великому противнику. Он, действительно, упоминает о нем всего лишь дважды (в самом начале и почти что в самом конце своей депеш). И оба раза называет его не Императором, не Наполеоном, а ... Буонапарте [14, р. 391, 395]. Разумеется, не случайно. Вероятно, что, употребив в отношении Императора именно его итальянизированную фамилию, Железный герцог хотел тем самым его унижить, превратив из грозного соперника в своеобразного кондотьера, иностранца и искателя приключений. Затем отметим проявленное английским командующим явное нежелание пространно рассуждать о себе и своих заслугах (пользуясь выражением М.М. Куриева, «нигде не выпячивать себя»). Но учитывая множество ошибок, которые совершил Железный герцог, особенно в начальный период кампании 1815 года, такое «не выпячивание» было с его стороны вполне разумным шагом. Ибо, поступи он иначе, ему неизбежно пришлось бы упомянуть и о них. Наконец, весьма важная и болезненная тема потерь (а потери союзных англо-голландской и прусской армий были действительно огромны: по данным К. Хибберта, союзники потеряли 22 тыс. человек против 52 тыс. погибших французских солдат; по словам советского военного историка Н.А. Левицкого 32 тыс. против 30 тыс. солдат армии Наполеона) [15, с. 256] была, если можно так выразиться, умело «замаскирована» тем, что рассуждения о «великих потерях», «немислимых жертвах» буквально тонут в перечислениях отличившихся в битве командиров и их подразделений. И еще. О «фигуре умолчания», примененной Веллингтоном. Так, он практически ничего не сообщает о взятии французами на левом фланге англо-голландской армии стратегически важной деревушки Плансенуа. Взятие войсками маршала Нея фермы Ля-Э-Сент (другого ключевого пункта английской обороны) в «интерпретации» Веллингтона выглядит так: «враг потеснил наш левый центр у Ля-Э-Сент».

Таким образом, можно констатировать, что Веллингтон в The Waterloo Dispatch создал свою легенду об этой великой битве, которая, по факту, стала альтернативой наполеоновской, рожденной в 1816 году с легкой руки узника Св. Елены. Учитывая тот факт, что она появилась годом ранее, чем наполеоновская,

ее, разумеется, никак нельзя считать «ответом» на знаменитый текст «Мемориала» Лас-Каза. Справедливости ради, стоит, впрочем, отметить, что ни Наполеон, ни Веллингтон напрямую никогда не полемизировали друг с другом по поводу битвы 18 июня 1815 года. В каком-то смысле оба командующих – и Император, и Железный герцог – оказались «заложниками» этого знаменитого сражения, первый – не сумев (или не захотев) объяснить подлинные причины своего поражения, второй – оказавшись не в состоянии внятно представить причины своей победы. Однако даже в Англии «любопытный аспект современной культуры заключается в том, что Ватерлоо вспоминают скорее как трагическое поражение, чем славный триумф, как трагедию, в которой главную роль исполняет не Веллингтон, а Наполеон. В исторической памяти Европы о Ватерлоо Император, даже потерпевший поражение, остается главной фигурой, причиной того, почему спустя поколения люди продолжают посещать поле боя» [1, с. 228].

Список литературы:

1. Форрест А. За кромкой поля боя. Жизнь военных во времена Революционных и Наполеоновских войн. М.: РоссПЭн, 2022. 280 с.
2. Граф Лас-Каз Мемориал Святой Елены. Т. 2. М.: Захаров, 2010. 584 с.

3. Мартино Ж. Повседневная жизнь на острове Святой Елены при Наполеоне. М.: Молодая гвардия, 2008. 320 с.
4. Hazareesingh S. The legend of Napoleon. London: Granta Books, 2005. 352 p.
5. Gourgaud, General, Baron. Talks of Napoleon at St. Helena. Chicago: A.C. McClurg and C, 1903. 292 p.
6. Куриев М.М. Железный герцог. М.: У Никитских ворот, 2021. 408 с.
7. Куриев М.М. Ватерлоо. Битва ошибок. М.: У Никитских ворот, 2018. 239 с.
8. Корнуэлл Б. Ватерлоо. История битвы, определившей судьбу Европы. М.: Колибри, 2022. 352 с.
9. Corrigan G. Wellington. A Military life. London: Hambledon, 2001. 396 p.
10. Holmes R. Wellington. The Iron Duke. London: Harper Collins Publishers, 2003. 324 p.
11. Hibbert C. Wellington. A Personal History. London: Da Capo Press, 1997. 460 p.
12. Hibbert C. Waterloo. London: Wordsworth Editions, 1998. 280 p.
13. Roberts A. Napoleon and Wellington. London: Phoenix, 2002. 410 p.
14. The Duke of Wellington. Military Dispatches. London: Penguin Books, 2014. 405 p.
15. Левицкий Н.А. Полководческое искусство Наполеона. М.: Воениздат, 1938. 279 с.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
<p>Егоров Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории и международных отношений; Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация). E-mail: egorov_1799@mail.ru.</p>	<p>Egorov Alexander Alexandrovich, doctor of historical sciences, professor of Foreign History and International Relations Department; Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: egorov_1799@mail.ru.</p>

Для цитирования:

Егоров А.А. Битва при Ватерлоо в донесении герцога Веллингтона графу Батерсту: «исповедь» случайного победителя // Самарский научный вестник. 2023. Т. 12, № 3. С. 170–174. DOI: 10.55355/snv2023123205.